

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

ПОЛЬСКИЕ РАБОТЫ О РУССКОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ СИЛЕЗИИ

Е. Kucharska. A. Nasz, S. Rospond. Wies śląska w 1840 r. Relacje z podróży naukowej J. J. Srezniewskiego po śląsku. «Prace i materiały etnograficzne», t. XXVII, Wrocław, 1973.

Перед нами тщательно, с любовью выполненная и изяшно изданная книга, характеризующая этнографическую и лингвистическую деятельность крупнейшего русского филолога-слависта Измаила Ивановича Срезневского.

Книга состоит из трех разделов, написанных польскими учеными: Евгенией Кухарской, ныне покойным Адольфом Нашем и Станиславом Роспондом. В них характеризуется деятельность И. И. Срезневского по изучению культуры и языка жителей Силезии во время его знаменитого путешествия по славянским землям (1839—1842 гг.). Как известно, за три года путешествия ученый посетил земли западных и южных славян, ознакомился с историей, этнографией и фольклором Чехии, Моравии, Силезии, Сербии, Черногории, Далмации и других районов, изучал языки и диалекты жителей, устанавливал контакты с деятелями литературы и науки. Напряженная и плодотворная работа И. И. Срезневского во время путешествия, публикации его отчетов и статей, построенных на собранном материале, имели двойное значение. Они были началом систематического развития славистики в России и послужили важным стимулом для этнографических, фольклористических и лингвистических исследований славянских ученых.

Деятельность И. И. Срезневского по изучению культуры славянских народов во время его путешествия и впоследствии, когда он был профессором сначала в Харьковском, а затем в Петербургском университетах, освещалась в ряде исследований русских дореволюционных и советских ученых¹. В них И. И. Срезневский характеризуется как собиратель и исследователь материалов о быте, поэзии и языке славянских народов. Показано, какое значение имели его работы для формирования новых принципов научного изучения этнографических и фольклорных явлений. Эти принципы получили дальнейшее развитие в 1840—1850 гг., когда И. И. Срезневский стоял во главе научных изданий и был наставником целой плеяды русских ученых — историков этнографов, филологов, педагогов.

Публикации материалов путешествия самим И. И. Срезневским и его учениками дают представление о friульских славянах, сербских лужичанах, о литературе западных славян и т. д. Тем более важно, что авторы рецензируемой книги сконцентрировали свое внимание на одном не изучавшемся ранее вопросе: они поставили перед собою цель показать значение пребывания Срезневского в Ополе для изучения культуры народа этой части Польши. В Ополе Срезневский пробыл недолго (июль — август 1840 г.), в начале путешествия, когда, как он сам с горечью замечал, со всей полнотой познакомиться с культурой жителей, особенно с их фольклором, ему еще мешало недостаточное знание языка. Тем более важно признание авторами книги большого научного значения собранных ученым этнографических, языковых материалов и стимулирующей роли его работы для развития национальной науки о языке и культуре Опольщины (исследования Яна Малиновского и др.).

Работа Е. Кухарской «И. И. Срезневский (1812—1880) и его рукописи» (стр. 9—95) состоит из двух частей. Во второй части публикуются статьи И. И. Срезневского, рукописи которых хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ф. 436, оп. 1). Первая статья «В Ополе и окрестностях» (ед. хр. 438) представляет собой этнографический очерк об одежде «силезского поляка»; в ней имеются заметки об особенностях наречия и приведено несколько текстов песен, записанных на местном диалекте. Во второй статье «Народные *srjewki* горных слезаков» (ед. хр. 447) характеризуются типы жителей Ополя (мужской и женский), подробно описаны предметы женской и мужской одежды, силезская деревня, внешний и внутренний вид жилища, сообщаются сведения о сохранившихся старинных обрядах и песнях «горных слезаков», высказываются суждения о степени сохранности их в народной традиции и об их значении как памятников народной культуры. Пишет И. И. Срезневский и о бедственном материальном и социальном положении силезских крестьян. В третьей статье «Записка о наречиях слезских» (ед. хр. 441) Срезневский характеризовал наречия «польско-слезское» и «мораво-слезское». Все три статьи воспроизведены по рукописи на русском языке и в переводе на польский. Тексты песен

¹ В. А. Францев, И. И. Срезневский и славянство, в сб. «Памяти И. И. Срезневского», Пг., 1916, стр. 94—168; Н. Ф. Сумцов, Харьковский период научной деятельности И. И. Срезневского, там же, стр. 69—94; А. Пыпин, Новые данные о славянских делах, «Вестник Европы», 1893, кн. 7; М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, М., 1958, стр. 266—278, 322—327; И. М. Колесникова, И. И. Срезневский как фольклорист (1840—1850 годы), «Русский фольклор», т. VIII — «Народная поэзия славян», М.—Л., 1963, стр. 296—328.

(25 номеров) приложены ко второй статье на польском языке (на диалекте), песни главным образом лирические. Публикация этих материалов представляет интерес не только для польских, но и для русских этнографов.

Первая часть работы Е. Кухарской содержит сведения о самом путешественнике. На основании изученной ею русской литературы о И. И. Срезневском (статья В. А. Францева, А. Н. Пыпина), «Путевых писем И. И. Срезневского из славянских земель»² автор дает общую характеристику маршрута путешествия, научных интересов исследователя и установленных им научных связей. В специальном разделе, главным образом на основании писем к матери и архивных материалов из ЦГАЛИ, характеризуется деятельность ученого в Ополе и его окрестностях. Первая статья завершается публикацией писем И. И. Срезневского к матери из Вроцлава, Ополя и Легницы (с 28 июля по 23 августа 1840 г.), переведенных на польский язык; перечнем имен деятелей культуры славянских земель, с которыми встречался и сблизился ученый за время путешествия, а также библиографией его трудов о славянах (32 номера). Таким образом, деятельность ученого в Ополе рассматривается не изолированно, но в тесной связи с его интересом к славянской культуре вообще.

Автору удалось уловить в изученных материалах и передать в статье черты человеческого облика молодого ученого: его открытый характер, взаимоотношения с новыми друзьями, дружбу с матерью, романтическую настроенность, отразившуюся в сделанных им описаниях и характеристиках. Все это делает статью Е. Кухарской не только содержательной, но и живой по форме.

Возражение, однако, вызывает интерпретация научных интересов И. И. Срезневского и деятельности его в славянских землях в связи со славянофильством (стр. 10 и др.). Думается, что Срезневский, научные интересы которого формировались в 1830-е годы, испытывал горячее сочувствие к славянским народам в связи с их зависимым положением, выражал надежду на возрождение их национальных культур, стремился сам и побуждал других содействовать этому возрождению, но был далек от политических доктрин славянофилов как особого течения в России 1840—1850-х годов. Еще А. Н. Пыпин, как справедливо пишет автор статьи, указывал, что И. И. Срезневский избегал политики. Ироническое отношение к теориям русских славянофилов, которых И. И. Срезневский называл «славяноманами», критические замечания об ограниченности их взглядов и печатных органов встречаются в его лекциях и переписке 1840—1850-х годов. Так, в письмах к В. Ганке, написанных в конце 1840-х годов³, И. И. Срезневский резко осуждал русских славянофилов и радовался размежеванию между учеными, занимающимися изучением славянской культуры, и славянофилами.

Статьи А. Наша и С. Роспонда дополняют работу Е. Кухарской. В статье А. Наша этнографические материалы, собранные И. И. Срезневским, комментируются на основании работ об Ополе польских историков и этнографов — предшественников и современников исследователя (Ю. Бандтке, Ю. Ломпе), а также ученых позднейшего периода. Автор детально рассматривает, проверяет, оценивает и дополняет каждый тезис статей И. И. Срезневского: о положении польских крестьян Силезии в XIX в., об их антропологическом типе, о костюме, жилище, песнях и приходит к выводу о точности, а в ряде случаев и большей полноте сведений, сообщенных русским ученым, по сравнению с другими работами об Ополе.

Подготавливая к публикации тексты песен, собранных И. И. Срезневским, А. Наш тщательно прокомментировал каждый текст, определив для некоторых песен источники, из которых они могли быть почерпнуты (рукописи польских собирателей во Вроцлаве). 16 песен И. И. Срезневский записал непосредственно от исполнителей.

Подробно рассматривая общую характеристику репертуара силезских песен и тезис о значении песенной традиции для национальной культуры, содержащиеся в работах И. И. Срезневского, А. Наш полемизирует с исследователем, объяснявшим исчезновение исторических песен в Силезии процессом денационализации населения. Он объясняет их отсутствие тем, что для народа чужда была история шляхты.

В связи с этим нам представляется верным объяснение хорошей сохранности эпоса у русских и на Балканах не отсутствием литературы письменной (которая в период создания эпических песен уже существовала, обслуживая ограниченный круг читателей), а интенсивностью общественной жизни народов, боровшихся на протяжении нескольких веков против татарского и турецкого ига.

В статье С. Роспонда дается глубокий анализ работы Срезневского о наречиях.

В целом книга трех польских ученых интересна не только для польской и русской науки, но и для всех интересующихся исследованиями в области славянской этнографии, фольклористики и лингвистики. Обращение авторов к наследию русского ученого-слависта — отрядное свидетельство плодотворно развивающегося сотрудничества польских и советских фольклористов и этнографов.

И. М. Колесницкая

² «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель (1839—1842)», СПб., 1895.

³ В. А. Францев, Материалы для истории славянской филологии. Письма В. Ганке из славянских земель, Варшава, 1905, стр. 1061.